

array of negative consequences, which lower the competitiveness of societies and countries, especially at higher stages of development. Inequalities cannot grow endlessly, there is probably a critical level of inequality, and if it is exceeded, national states descend into turmoil of social conflicts and fall apart. If the growth of income inequalities continues, then countries can get into the bad stable equilibrium trap that reproduces itself: poor quality of state institutions, low growth, low social mobility, high social tensions. Gradual reforms could help overcoming the trap, but if they are delayed, the further growth of inequalities could lead to social revolution.

Keywords: *income and wealth inequalities, communism, capitalism, welfare state, share of labour and capital in national income.*

JEL Classification: F02, F63, I30, J31, N00.

Л.М. Григорьев

Аналитический центр при Правительстве РФ, НИУ ВШЭ, Москва

Журнал НЭА,
№3 (31), 2016,
с. 160–170

Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций

Аннотация. Смысл понятия «неравенство» отличается в разные периоды развития экономики, при различных политических режимах, в разных по структуре обществах. Данный термин в настоящее время используется широко, особенно в политической риторике, и почти всегда при этом подразумевается распределение личных доходов. Неравномерное распределение доходов неизбежно ограничивает возможности экономического роста страны. Характер распределения богатства между гражданами определяет неравенство доходов и становится причиной сохранения и поддержания неравенства по доходам во времени. Колебания доходов от прибылей, акций, рент в период кризисов может временно снижать неравенство, но периоды процветания естественным образом усиливают неравенство доходов. Социальное неравенство серьезно влияет на экономический рост и социальную стабильность в стране, но при значительном росте уровней доходов и потребления у бедных слоев населения в XX–XXI вв. неравенство само по себе может и не стать причиной социальных потрясений. Россия в период трансформации перешла от квазиэгалитарного общества (по параметрам неравенства) в общество, схожее со странами Латинской Америки.

Ключевые слова: *рост и неравенство, неравенство по богатству, неравенство по доходам.*

Классификация JEL: D63.

1. Комментарий по истории неравенства

Проблема неравенства в современном мире стала модной после выхода работ Джозефа Стиглица (Stiglitz, 2012), Тома Пикетти (Piketty, 2014, 2015), Энтони Аткинсона (Atkinson, 2015) и др. Мы, со своей стороны, начали работу исследования в данной области в связи с необходимостью дать для студентов более полную картину современного мира, включая такую важную его характеристику, как социальное неравенство. Мы презентовали результаты анализа в нашем выступлении на конференции Международной ассоциации политических наук в Сан-Пауло в 2011 г. (Grigoriev, Salmina, 2011). Первые же результаты исследования показали неожиданно большие (с точки зрения экономиста) социальные различия между слоями общества, измеренные по децильным

группам доходов, причем первые же сравнения показали, что в России и Аргентине схожие децильные распределения. Так что наша страна за 1990-е годы сделала шаг из квазиэгалитарного общества в латиноамериканское (неевропейское) по данному параметру.

В данной дискуссии мы намерены обратиться к трем основным проблемам в данной области: причинам неравенства доходов; вопросам оценки степени неравенства, в частности – количественным; значению этой проблемы в жизни общества и, соответственно, в формировании социальной политики. Ограниченный размер публикации не дает возможности провести здесь подробный статистический анализ. Но многие факты уже известны и поддаются различным интерпретациям, в частности, такая интерпретация дана в нашей статье (Григорьев, Салмина 2013)

и в номере данного журнала (Джомо, Попов, 2016).

Происхождение неравенства, как нам кажется, не заслуживает дискуссии само по себе: азиатский способ производства или рабовладение в Риме обеспечили ее понятный старт. Вряд ли неравенство между европейскими баронами и крестьянами, а тем более – между пришлыми феодалами («бароны-грабители») и крестьянами и горожанами завоеванных народов (как в Прибалтике в XIII–XVII вв. или в Турецкой империи, а также в Африке или Латинской Америке при колонизации). Конечно, до определенной эпохи (XVIII–XXI вв.) оно не воспринималось как нечто ненормальное обществом в целом, хотя, разумеется, лежало в основе социальных (и часто национальных) восстаний. Так что теперь демонстрационное материальное неравенство в виде собственных яхт, островов и «образа жизни» мультимиллионеров, противостоящее низким доходам и «потребительским корзинам» простонародья, является моральной проблемой для гражданского общества Запада. Для левого крыла мыслителей – это стыдно, для правого крыла – это нормально, хотя и не пример для подражания. Заметим, что современная традиция обсуждения российского неравенства в рамках западного мейнстрима (и СМИ особенно) подчеркивает ненормально высокую долю богатства в руках малой группы бенефициаров российской трансформации, хотя обычно обходит тему приватизации 1990-х годов или по-прежнему одобряет ее скорость и радикальность.

Несмотря на то что существование неравенства в историческом прошлом очевидно, численно его оценить достаточно сложно. Так, некоторые историки утверждают, что индекс Джини превышал 50 в XIX в. и ранее (Джомо, Попов, 2016). Высокое расслоение общества в прежние века, вероятно, вызывало социальные волнения, но явно не влияло на «электоральное поведение», что так важно сейчас. Восстание Чомпи во Флоренции, Жакерия во Франции, российские бунты (Смута – Разин – Пугачев...), восстания в Китае и иные трагические события Европы и Азии были реакцией на разорение и несправедливость – оставим их историкам. Одна из самых знаменитых английских историй – забастовка и первый в истории (1888 г.) марш девушек со спичечной фабрики, которым сильно снизили заработную плату при тяжелейших условиях работы (The Women Who..., 2013). Вряд ли кто-то рискнет указать специфический уровень индекса Джини, ведущий к восстанию, тем более что данных именно по самой интересной эпохе «пролетар-

ских революций» недостаточно. Скорее речь тут пошла бы о снижении привычного уровня материального достатка трудящихся как триггер к взрыву недовольства.

Важной, но часто упускаемой из виду особенностью является и историческое различие между англосаксонской, континентальной европейской и азиатской рыночными системами, они имеют различия, к которым мы ниже вернемся. В историческом плане особенно важно различие между двумя «западными» (идущими в частности от разделения «civil law» и «common law») капитализмами. Мы теперь обнаруживаем в англо-саксонской системе большее неравенство, но более сильные вертикальные лифты. Включение в картину современного неравенства в мире, мы полагаем, следовало бы начать с Великого разделения (Great Divergence) – периода, с которого стало формироваться неравенство между Европой и Азией в XV–XVII вв. Неравенство нарастало внутри стран Азии (Stiglitz, 2012). Например, в XVII в. была существенная разница в ставках процента за кредит в странах Европы и Индии – в Индии они были вдвое выше (Koot, 2013). Но нам достаточно того, что мир входил в Новые времена с крайне высокой степенью неравномерности, которая подверглась еще и огромной встряске при формировании рыночной экономики.

Серьезный интерес к теме социального неравенства, разумеется, возникает со времени после Промышленного переворота, формирования классической политэкономии и «Коммунистического манифеста», в котором Карл Маркс показал, что понимал значение среднего класса, он предполагал исчезновение «старого» среднего класса (что было правдой), но не предвидел появления нового, гораздо более многочисленного.

Эпоха XIX – начала XX в., для которой характерна пауперизация средних слоев, нищета рабочего класса и угроза (и реалии) пролетарских революций – серьезный стартовый момент для анализа характера неравенства как по научным, так и историческим причинам. В этом контексте автору представляется недостаточным констатировать, что индекс Джини тогда был высоким (выше 50). Такой коэффициент может свидетельствовать о различных структурах общественного неравенства. Полагаем, что в историческом анализе эпохи 1848–1917 гг. (от «Манифеста» до Октябрьской революции) следует учитывать несколько факторов: общий уровень неравенства; уровень среднего уровня благосостояния, и особенно – тяжелое положение нижних слоев; состояние социальных лифтов; харак-

тер и поведение элит (а не просто относительное богатство). Социальная ситуация в России перед Октябрьской революцией была одной из самых тяжелых в мире: глубокое неравенство; бедность масс; лифты слабые; эффекты длительной войны; раздробленность и негибкость элиты. Важно подчеркнуть, что неравенство само по себе – без страдания от бедности и без массового осознания несправедливости – может и не стать причиной социальной неустойчивости, подрывающей экономический рост или даже ведущей к революциям. Но оно крайне затрудняло выход из исторической ловушки незавершенного перехода от феодализма к буржуазной демократии и рынку в России.

В этой связи мы полагаем важным для науки выявлять (реконструировать) в прошлом социально-экономические механизмы, которые вели к неравенству, и механизмы ослабления этого неравенства. Трудно представить, чтобы крупные фундаментальные социальные параметры менялись сами по себе или в силу осознания политической важности проблемы – должны быть приводные ремни и инструменты. И это подводит нас к анализу мировой ситуации после Октябрьской революции и снижению показателя Джини, как отмечается в ряде работ и упомянуто в том числе в статье (Джомо, Попов, 2016). Конечно, всех «левых» греет мысль, что наша революция испугала правящие классы Европы и Северной Америки, так что они приняли волевое решение и разом сократили неравенство в обществе. Но вопрос в том, как это могло произойти так осознанно (без явной документированной борьбы среди элит). И, главное, как удалось так резко (за несколько лет) снизить высокоинерционный социальный параметр, отражающий состояние всего (!) общества, тем более что шло активное противостояние именно большевистскому перераспределению собственности?

Мы полагаем, что стоит более внимательно отнестись к прямым последствиям Первой мировой войны, разрушению физического капитала и необходимости восстановления после разрушений в центре Европы. Учтем огромные людские потери и военные расходы, которые финансировались из средств, полученных от сбора высоких налогов, и займов. Снижение личного потребления после четырех-пяти лет войны в Европе было значительным. Германия проиграла войну и платила репарации, Франция, помимо войны на своей территории, потеряла свои русские кредиты царской России (т.е. сбережения среднего класса), которые новая Россия не могла вернуть и не вернула. Англосаксы также понесли

тяжелые людские потери, а также потеряли достаточно большое число судов и вооружений. Доходы от акций, вкладов, рентные платежи, по всей видимости, сокращались весьма значительно, в частности от инфляции военного времени. Разумеется, народные массы (особенно Германии) могли потерять значительную долю реальных доходов, но как это выразить в статистически достоверном виде – снижение коэффициентов Джини, собственно говоря, и свидетельствует о некотором выравнивании.

Война – этот великий уравниватель – могла быть важным фактором снижения видимого неравенства, хотя на распределении богатства в буржуазных странах она не могла немедленно повлиять. Послевоенный бум 1920-х годов – время, когда росли прибыли и неравенство – был коротким даже в США – при кризисах 1924 и 1927 г. Обрушение всего мира в Великую депрессию началось уже в конце 1929 г. Таким образом, мы не отрицаем испуга буржуазных элит как реалии, особенно в Скандинавии, откуда реально пошел европейский антикоммунистический социализм. Высокие прогрессивные налоги стали фактором ослабления видимого неравенства. В США и Англии также появились более жесткие законы о наследовании и т.п. Но мы бы приписали основную роль в снижении неравенства в ведущих странах мира Первой мировой войне и кризисам 1920–1930-х годов.

2. Как мы измеряем неравенство и какова его фактическая структура

Прежде чем обращаться к анализу неравенства внутри стран, важно оценить различия между странами, причем именно текущие тенденции. Мы специально исследовали этот вопрос на данных по 150 странам (в семи кластерах по размеру ВВП на душу населения), сравнивая 1992 и 2010 г. (Григорьев, Паршина, 2013). Большая часть расчетов по взвешенным (по размерам населения групп стран) показателям дают улучшение ситуации в мире в последние десятилетия. Но это в основном – эффект Китая и Индии, что, безусловно, важно, поскольку сдвигает общемировые пропорции, улучшая показатели бедности и расширение мирового среднего класса. Однако мир велик за пределами этих двух стран с почти двумя пятыми мирового населения. Не вдаваясь здесь в детали, отметим, что ВВП на душу населения в мире в целом за эти 18 лет, 1992–2010 гг. (по ППС), вырос, составив значительный прирост в 45%. Но разрыв между значениями средних величин первого и седьмого кластеров ощутимо увеличился в 2010 г. Беднейший

кластер никуда не продвинулся, а Россия вернулась (после отката в 1990-е годы) в третий сверху кластер. Многие страны ЕС (например, Германия и Франция) не смогли поддержать темпы прироста ВВП на уровне всей мировой экономики и переместились из первого во второй кластер. Получилось так, что успех в снижении неравенства между странами зависит от нескольких успешных стран. В верхнем кластере в 2010 г. (при фиксированных границах кластера 1992 г., умноженных на 1,45) остался небольшой набор из 9 исключительно богатых стран (например, Норвегии, США, Сингапура), в то время как верхний кластер в 1992 г. включал 15 стран. Так что экономический рост в наиболее удачный период в истории рыночной экономики не привел к преодолению проблемы межстранового неравенства.

За этот период быстрого роста всего мира явно не произошло и снижения показателей неравенства (по квинтилям) внутри многих странах мира (Grigoryev, Kulpina, 2014). Ригидность социального неравенства при высоких темпах роста была характерна и для развитых и развивающихся стран (во всяком случае для тех, для которых имелись данные в динамике).

В современной литературе коэффициент Джини стал традиционной мерой неравенства. Этот показатель хорошо отражает статистически наблюдаемые данные в центре распределений, но недостаточно хорошо охватывает самых богатых и самых бедных. И применительно к неравенству как важному социальному параметру стоит задуматься, настолько и для каких задач нас интересуют разбросы в 1–8 децилях, на которые приходится большая часть населения, но не так много дохода. Исследования бедности обычно проводятся специфическими методами, средний класс является объектом анализа с точки зрения уровня благосостояния, взглядов, положения в обществе. Если же нас интересуют наиболее состоятельные слои общества и неравенство как феномен роли богатых, так сказать, сверху, то стоит обратиться к весу пятого квинтиля или верхних – девятого и десятого децилей (табл. 1).

Разумеется, корреляция Джини и доли 10 дециля в доходах достаточно высока, для того чтобы не рассматривать эти два показателя как альтернативы. Но информационная нагрузка доли самых богатых намного выше. Она отлично показывает, собственно, откуда

Таблица 1

Разбиение на кластеры 150 стран мира по ВВП на душу населения по ППС

Кластер	Постоянный состав групп и границ				Переменный состав – границы сдвинуты с учетом роста ВВП на душу в мире на 45%		
	Границы кластеров по 1992 г., тыс. долл.	Число стран	Среднее значение ВВП на душу по ППС в кластере		Границы кластеров в 2010 г.	Число стран	Среднее значение ВВП на душу по ППС в кластере в 2010 г.
			1992 г.	2010 г.			
1	> 25	15	31,8	39,8	> 36,305	9	47,3
2	15, 001 – 25	15	21,3	30,7	21,784 – 36,304	24	29,6
3	10, 001 – 15	11	12,2	19,0	14,523 – 21,782	8	18,1
4	5, 001 – 10	30	7,2	11,6	7,262 – 14,522	34	10,9
5	2, 251 – 5	27	3,4	5,5	3,269 – 7,261	27	4,9
6	1, 251 – 2, 25	20	1,7	2,9	1,817 – 3,267	17	2,4
7	< 1, 25	32	0,8	1,2	< 1,815	31	1,1

Источник: по данным Мирового банка.

берется высокое неравенство – из высокой доли самых богатых. Все остальное население вместе может показывать ту ли иную степень равномерности, но если десятый дециль забирает слишком много, то это гарантирует общее высокое неравенство по коэффициенту Джини.

Данные, представленные в табл. 2, показывают огромные межстрановые перепады в показателях неравенства. Но мы подчеркнем лишь несколько наиболее характерных.

Прежде всего это огромное различие неравенства внутри стран ОЭСР. Разнообразие стран значительное, но оно вполне осмысленное. Разумеется, Центральная и Северная Европа показывают намного более утешительную картину, с их высокими налогами и социальной защитой, хотя она стала вызывать вопросы в последние годы. Доля доходов у Швеции – Германии по десятому децилю держится в районе 23–25%. Высокое неравенство характерно для стран Южной и Восточной

Таблица 2

Неравенство по доходам – международные сравнения

Страна	ВВП на душу по ППС, 2005 г., долл. США	Индекс Джини, %	Доля дохода, %, принадлежащая						
			нижним 10%	нижним 20%	вторым 20%	третьим 20%	четвертым 20%	высшим 20%	высшим 10%
Россия	11,9	42	2	5	10	15	22	48	34
Латинская Америка	10,8	52	1	4	7	12	20	57	40
Мексика	11,3	46	2	4	8	13	20	55	35
Бразилия	8,6	57	1	3	6	11	19	61	45
Аргентина	11,1	49	1	4	8	13	22	53	36
Чили	12,3	55	1	4	7	11	18	60	45
Англо-саксонские страны и Израиль	32,4	39	2	6	11	16	23	45	29
Великобритания	31,6	36	2	6	11	16	23	44	29
США	41,7	41	2	5	11	16	22	46	30
Израиль	23,8	39	2	6	11	16	23	45	29
Южная и Западная Европа	18,6	34	3	8	12	17	23	41	26
Италия	27,8	36	2	7	12	17	23	42	27
Испания	27,3	35	3	7	12	16	23	42	27
Греция	25,5	34	3	7	12	17	23	42	26
Венгрия	17	30	4	9	13	17	23	39	24
Польша	13,6	35	3	8	12	16	22	42	27
Латвия	13,2	38	3	7	11	16	22	45	27
Центральная и Северная Европа	29,4	28	3	9	14	18	23	38	23
Франция	29,6	33	3	7	13	7	23	40	25
Германия	30,5	28	3	9	14	18	23	37	22
Нидерланды	34,7	31	3	8	13	17	23	39	23
Швеция	32	25	4	9	14	18	23	37	22
Чешская Республика	20,3	25	4	10	15	18	22	36	23

Источник: Grigoriev, Salmina, 2011.

Европы, что вполне объяснимо для переходных экономик.

3. Что из этого следует

Данные в табл. 2 указывают не только на огромное разнообразие показателей неравенства по странам мира, но и дают возможность сравнивать их по группам. Наиболее утешительные показатели, разумеется, у стран Центральной и Северной Европы – доля 10 дециля в пределах 22–25% (индекс Джини – 25–33). Южная и Восточная Европа показывают 24–27%-ную долю богатого дециля (индекс Джини – 30–36), что, на первый взгляд, умеренно. Но учтем, что частью эти страны недавно вышли из квазиэгалитарного социализма (не одна Россия), у них нет нефти, а ВВП на душу в полтора раза ниже, чем в ядре Евросоюза. Так что нижние слои общества много беднее и по возможности мигрируют в страны первой группы (не говоря уже о жителях еще более бедных стран Восточной Европы или Северной Африки).

Англо-саксонские страны (кстати и Израиль) показывают более высокое неравенство, но при еще более высоком уровне ВВП на душу, в то время как страны Латинской Америки имеют наихудшие показатели неравенства при наименьшем уровне ВВП на душу. Соответственно, нижним слоям общества приходится жить в достаточно тяжелой обстановке. Даже в тех странах (Бразилия), где виден успех в социально-экономическом развитии в XXI в., еще очень рано говорить о том, что они преодолели ловушку среднего уровня развития (Григорьев, Павлюшина, 2016).

Здесь мы должны еще раз подчеркнуть необходимость осторожного использования показателя Джини в рамках рыночной системы за последние сто лет – после Первой мировой войны. Экономический рост был очень значительный за последние 70 лет, средний класс увеличился, хотя и испытывает большие сложности в поддержании своего благосостояния в последние десятилетия. Если мы рассматриваем неравенство как угрозу устойчивости общества, демократии и росту, то основной проблемой является очень бедный и обиженный несправедливостью класс, да еще и осознавший свое положение. Для появления такой опасности с точки зрения чисто социальной стратификации бедные слои (два–три нижних дециля), предположительно, должны быть и объективно, и субъективно в критическом состоянии. Рост ВВП в среднем по странам дал все же даже бедным слоям развитых стран достаточно много. Их материальное положение на порядок отличается от того, что было при сравнимо высоких значениях индекса

Джини сто лет назад, когда угроза пролетарских (крестьянских) восстаний шла от бедности, безысходности и несправедливости, причем тогда и доля бедных была намного значительнее. При сохранении высокого коэффициента Джини ситуация существенно стабилизировалась.

Изменились и многие другие факторы – демократия и технический прогресс обеспечивают из поколения в поколение рост возможностей для индивидуальной самореализации. Вертикальные лифты остаются наименее развитыми в ряде стран, но возросшие потоки миграции, в том числе образованных людей, создают уже не страновые, а глобальные вертикальные лифты. Заметим, что политические права новых мигрантов, как правило, достаточно низки и угрозы системам власти пока не представляют.

В России вертикальные лифты появились в 1990-х годах и тут же захлопнулись – неравенство по доходам почти не меняется в 2000-х и остается весьма острым (Салмина, 2014). В текущем плане для большинства семей в России и в мире доход определяется образованием, конкуренцией в обществе, климатом для малого и среднего бизнеса. Если судить по трем показателям: ВВП на душу, неравенство и характер лифтов, – Россия остается в опасной зоне. У нас много бедных; они образованы и понимают свое положение; лифты слабые; инвестиционный климат оставляет желать лучшего. Правда, нефтяная рента за 2000–2014 гг. несколько улучшила ситуацию со структурой потребления населения (Григорьев, Голяшев, 2015). Финансовая элита России, получившая свои миллиарды всего за четверть века, далека от альтруизма, она молода и боится не 1917 года, а только угрозы перераспределения собственности, в частности иногда и от своего государства.

4. Неравенство.

Почему все заволоновались

Соображения справедливости редко проникают в государственную политику, а если и проникают (от тех или иных партий), то возникает проблема определения справедливости и превращения идеи в практически приемлемые меры. Мы полагаем, что неравенство доходов сформировалось, разумеется, на базе имущественного неравенства. Но в данном формате работы мы не можем развить это соображение на статистической базе. Поэтому отметим только, что борьба развитых стран с офшорами, уклонением от налогов, счетами, открытыми в швейцарских банках, указывают только на оптимизацию потоков текущих лич-

ных доходов (корпоративные – отдельно) или манипуляций с активами. Рыночная экономика, видимо, эффективней других видов, но является справедливой только для радикальных сторонников чистого рынка.

Строго говоря, вопрос о неравенстве был поставлен и разбит сразу с нескольких направлений: ОЭСР в конце XX в. (Income Inequality and Poverty, 2014), отчетами Президента США в 2011 и 2014 г., рядом авторов (Pomeranz, 2000) и др. Практически одновременно появились работы ученых Дж. Стиглица (Stiglitz, 2012), Т. Пикетти (Piketty, 2014, 2015), а также Т. Аткинсона (Atkinson, 2015) – важные для дискурса. Хотя неравенство росло с 1980-х годов, но только в последние пять лет оно стало вдруг активно обсуждаться учеными и политиками и вышло в общественный дискурс из узко научного.

Оставаясь последовательными, мы полагаем, что, помимо исчезновения давления со стороны социалистического лагеря, нужно искать социально-экономические механизмы снижения неравенства как в 1920-х годах, так и роста его в 1980–2015 гг., в том числе и в период исчезновения давления социалистического лагеря. Первым очевидным эффектом распада Варшавского договора и СССР было снижение военных расходов и открытие рынков лагеря в полмиллиарда человек при упадке собственного производства в бывших социалистических странах. Это принесло существенные мирные дивиденды США и ЕС, подтолкнуло экономический рост в мире, у которого был еще один важный локомотив – Китай. Так что ускорение экономического роста было связано с упадком СССР. Другим фактором стало снижение ставок налогов в ряде стран и попытки стимулировать бизнес при сокращении социальных расходов. Здесь вполне можно увидеть эффект от снижения внешнего давления социалистического лагеря. Так что наше воздействие на рост неравенства шло, полагаем, вполне естественным порядком. Большинство экономистов ныне согласно, что инерция роста социальных расходов уже завела многие страны достаточно далеко и создала угрозы финансовой устойчивости, прежде всего в связи с большими государственными долгами.

Рост неравенства в последние четверть века – это прежде всего результат быстрого роста экономики, роста прибылей, курсов акций и изменений социальной структуры (в частности – роста роли женщины). До Великой рецессии (2008–2009 гг.) столь длительное время (с середины 1970-х годов) не было тяжелых кризисов, так что естественные рыноч-

ные механизмы смогли обеспечить доходы для верхних слоев, которые не могут быть объяснены образованием, производительностью труда и другими факторами. С нашей точки зрения, это естественная ситуация для современного капитализма, если его не сдерживают кризисы. В 2009 г. упала норма прибыли, как и доля нетрудовых источников дохода, однако этого было недостаточно, чтобы изменить ситуацию с неравенством. Слои населения с высокими доходами – высший класс (в терминологии социологии) – накапливают высокие сбережения и инвестируют их в недвижимость, инвестиционные фонды, самостоятельно вкладывают в акции. Фонды и брокеры зарабатывают на том, что обеспечивают своим клиентам заработок выше рынка. Конечно, не у всех и всегда это получается, но преимущество богатых – в способности брать риск. Пенсионные и страховые фонды с их огромными активами обычно связаны необходимостью применять инвестиционные стратегии с низкими рисками. Так что средства среднего класса (бедные в этом процессе почти не участвуют) растут разумными темпами, но не могут вырваться на уровни верхнего класса. Одно из интересных свидетельств на сей счет приведено в работе о неравномерности распределения богатства в Швеции, в которой показано, что быстрый рост персонального богатства в условиях высоких прогрессивных налогов зависит, естественно, не от трудовых доходов, а от приобретенных ранее акций (Roino, Waldenstrom, 2010).

Механизм отрыва тех, кто уже имеет (от семьи) или быстро создал капитал, от осталь-

Таблица 3
Ставка налога на прибыль, %

Страна	2013 г.	2014 г.	2015 г.
США	43,8	43,8	43,9
Великобритания	34,7	33,5	32
Австралия	47,3	47,4	47,6
Среднее по странам	41,9	41,6	41,2
Италия	65,6	65,2	64,8
Швеция	52,1	49,1	49,1
Германия	49,1	48,8	48,8
Франция	67,4	68,9	62,7
Среднее по странам	58,6	58,1	56,4

Источник: по данным Всемирного банка.

ных слоев общества в общем несложен: высокие сбережения от высоких доходов (даже роскошное личное потребление особо ничего не меняет) и их реинвестирование. В высших слоях происходят растраты состояний, банкротства, чрезмерное потребление, дробление состояний и многое другое, но как слой (скажем, 10-й дециль) он все равно обречен на отрыв. Чем сильнее вертикальные лифты, тем больше шансов у отдельных индивидуумов (стартапы, менеджмент крупных компаний) проникнуть в мир богатства, но это скорее здоровая конкуренция за успех и поддержание работоспособности финансовой элиты.

Мы бы хотели вновь подчеркнуть, что неравенство в развитом рыночном хозяйстве по крайней мере отличается по типам экономических систем внутри мировой рыночной экономики. Англо-саксонская система показывает сосуществование высоких налогов на прибыль (табл. 3), высокую мобильность и высокое неравенство. Континентальной системе присущи очень высокие налоги, масштабное перераспределение доходов, но менее сильные лифты. Это в особенности относится к упомянутой выше идее воздействия социалистических идей на процессы в рыночной экономике – она сохраняет следы реакции на попытку строительства социализма. В рамках континентальной системы развитая система прав человека и высокий уровень социальной защиты укоренились сами по себе за несколько поколений существования. В англо-саксонских странах идея освобождения капитала от чрезмерных налогов для целей инвестирования и роста всегда была достаточно устойчивой. Правда, в США разрыв между идеологией и практикой низких налогов, с одной стороны, и государственными (социальными и военными) расходами – с другой – привели к образованию огромного государственного долга. Но даже в ЕС при относительно замедлении роста после периода расширения ничто не препятствует росту личных состояний. После тяжелого кризиса 1973–1975 гг. мировая рыночная экономика не подвергалась тяжелым и длительным встряскам, способным затормозить кумулятивное накопление в сфере личных богатств. Отсюда, мы полагаем, и усилился обсуждаемый ныне эффект роста неравенства с 1980-х годов.

С нашей точки зрения, не столь уже важно, что именно 1% наиболее богатых людей владеют личными активами (преимущественно акциями) в половину планетарного ВВП, на что делает упор Т. Пикетти (Piketty, 2014, 2015), Б. Миланович (Миланович, 2014, 2016), Дж. Манса и М. Саудер (Manza, Sauder,

2009). Надо обратить внимание на то, идет ли речь о пассивном владении (и использовании) ради сохранения и роста капитала или же о распоряжении в терминах пучка собственности. Владельцы половины ВВП получают от нее доходы, но вряд ли непосредственно управляют «своей половиной». Их экономическая власть реализуется через управление активами, влияние на структуру контроля в компаниях, влияние на государственную политику, выбор проектов и проектных решений. Высокая концентрация распорядительной власти финансовой элиты является критически важной стороной социального неравенства.

Российский случай на фоне мировой картины выглядит, как обычно, двойной аномалией. С точки зрения приобретения богатства нам не нужно искать механизмов внезапного образования рекордного числа миллиардеров и миллионеров – это пришло разом в 1990-е во время приватизации (Григорьев, 2010). Интересно, что в такой стране несовершенство институциональных механизмов соседствует с высокой нефтяной рентой и плоским личным налогом в 13% с 2001 г. Проблемы качества управления (governance) в стране и неспособность собирать налоги с богатых укореняют проблемы низкой легитимности собственности (Григорьев, Курдин, 2011). Вопрос об отмене в перспективе плоского подоходного налога будет зависеть не столько от экономической доктрины, сколько от политической конъюнктуры и длительности периода низкой нефтяной ренты. Как мы уже отмечали, бюджетные проблемы страны в какой-то момент (перед теми или иными выборами) подтолкнут российские властные элиты к запасному варианту – ввести прогрессивный налог (Григорьев, Курдин, 2016).

В заключение отметим также проблему различия между реальными и видимостью в области неравенства. Недавно было убедительно показано (на опросах жителей многих стран мира), что не фактическое неравенство (измеренное коэффициентом Джини) ведет к требованиям о перераспределении доходов от богатых к бедным, а также напоминает о возможности социальных конфликтов. Тут работают субъективные представления о неравенстве (причем весьма смещенные по сравнению с фактической картиной) (Gimpelson, Treisman, 2015). Наконец, мы полагаем, что рост неравенства в современную эпоху все же сопряжен с ростом благосостояния не только верхних, но и нижних слоев общества в развитых рыночных странах. Иными словами, отдаление от абсолютной бедности прошлого (в частности, например,

в странах с ВВП выше 25 тыс. долл. на душу населения по ППС), надежда на повышение достатка семей создали ситуацию, в которой неравенство само по себе не вызывает взрывной реакции в данный момент. Но политические и финансовые элиты должно тревожить ослабление позиций среднего класса, что может сказаться на стабильности общества при росте и осознании роста неравенства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев Л., Голяшев А.** (2015). Потребление населения в условиях экономического спада. В: «Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации». Москва: Аналитический центр при Правительстве РФ.
- Григорьев Л., Курдин А.** (2011). Интересы и подходы к реформированию подоходного налогообложения. XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Отв. ред. Е. Ясин. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 141–149.
- Григорьев Л., Курдин А.** (2016). Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // *Вопросы экономики*. № 1. С. 36–62.
- Григорьев Л., Павлюшина В.** (2016). Бразилия: в ловушке среднего уровня развития // *Мир новой экономики*. Апрель. С. 28–37.
- Григорьев Л., Паршина Е.** (2013). Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика*. № 4. С. 70–86.
- Григорьев Л.М.** (2010). Экономика переходных процессов. Глава «Приватизация». Москва: МУМ.
- Джомо К.С., Попов В.В.** (2016). Долгосрочные тенденции в распределении доходов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. Т. 8. № 3 (в печати).
- Салмина А.** (2014). Избыточное неравенство и развитие человеческого потенциала. В: «Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации». Москва: Аналитический центр при Правительстве РФ.
- Миланович Б.** (2014). Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Atkinson T.** (2015). *Inequality – What Can Be Done?* Cambridge: Harvard University Press.
- Gimpel V.E., Treisman D.** (2015). *Misperceiving Inequality*. Working papers by National bureau of Economic Research. Series NBER “NBER working paper series”. No. 21174.
- Grigoriev L., Salmina A.** (2011). *Inequality in Russia during Transformation: to Europe or Latin America?* In “*Whatever Happened to North-South?*” [Электронный ресурс] IPSA-ECPR Joint Conference, hosted by Brazilian Political Science Association at the University of Sao Paulo, February 16 to 19, 2011. Режим доступа: <http://www.saopaulo2011.ipso.org/paper/inequality-russia-during-transformation-europe-or-latin-america>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июнь 2016 г.).
- Grigoryev L., Kulpina V.** (2015). *Economic Transformation and Social Inequality in Eurasian Countries*. In: EBES 2014 Anthology. E. Demir (ed.). Istanbul: EBES.
- Income Inequality and Poverty** (2014). Paris: OECD.
- Koot G.M.** (2013). *The Great Divergence: Explaining why Asian Economic Growth Lagged behind European Growth, 1500–1870*. Dartmouth: History Department, University of Massachusetts.
- Manza J., Sauder M.** (2009). *Inequality and Society*. Social Science Perspectives on Social Stratification. New York: Norton & Company.
- Milanovic B.** (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Harvard University Press.
- Obama’s State of the Union speech** (2014). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://money.cnn.com/2014/01/28/news/economy/obama-income-inequality/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июнь 2016 г.).
- Piketty T.** (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press.
- Piketty T.** (2015). *The Economics of Inequality*. Cambridge: Belknap Press.
- Pomeranz K.** (2000). *The Great Divergence*. Princeton: Princeton University Press.
- Roino J., Waldenstrom D.** (2010). *On the Role of Capital Gains in Top Incomes*. SITE – IFN, Sweden.
- Stiglitz J.** (2012). *The Price of Inequality*. New York: W.W. Norton & Company.
- The Women Who Changed Britain Forever**

(2013). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bigissue.com/features/2522/women-who-changed-britain-forever>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: июнь 2016 г.).

Поступила в редакцию 7 июня 2016 года

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Atkinson T.** (2015). *Inequality – What Can Be Done?* Cambridge: Harvard University Press. May.
- Gimpelson V. E., Treisman D.** (2015). *Misperceiving Inequality*. Working papers by National bureau of Economic Research. Series NBER “NBER working paper series”. No. 21174.
- Grigoriev L., Salmina A.** (2011). *Inequality in Russia during Transformation: to Europe or Latin America?* In: “*Whatever Happened to North-South?*” IPSA-ECPR Joint Conference, hosted by Brazilian Political Science Association at the University of Sao Paulo, February 16 to 19, 2011. Available at: <http://www.saopaulo2011.ipso.org/paper/inequality-russia-during-transformation-europe-or-latin-america> (accessed: June 2016).
- Grigoryev L., Golyashev A.** (2015). *Private Consumption During Economic Recesion: “Human Development in Russian Federation Report”*. Moscow: Analytical center for the Government of Russian Federation (in Russian).
- Grigoryev L., Kurdin A.** (2011). *Approaches to the Reforms of Income Tax*. XI International Academic Conference on the Issues of Economic and Social Development. E. Yasin (ed.). Moscow: National Research University Higher School of Economics, 141–149 (in Russian).
- Grigoryev L., Kurdin A.** (2016). *Unresolved Issue of Private Property Legitimacy in Russia*. *Voprosy Ekonomiki* 1, 2016 (in Russian).
- Grigoryev L., Pavlyushina V.** (2016). *Brazil in the Middle Income Trap*. *World of New Economics* April, 28–37 (in Russian).
- Grigoryev L., Parshina E.** (2013). *Economic Dynamics of Countries in 1992–2010: Uneven Growth*. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 5. Economics* 4, 70–86 (in Russian).
- Grigoryev L.M.** (2010). *Economics of Transitional Processes*. Vol. I. Chapter “Privatization”, 353–479. Moscow: MUM (in Russian).
- Grigoryev L., Kulpina V.** (2015). *Economic Transformation and Social Inequality in Eurasian Countries*. In: *EBES 2014 Anthology*. E. Demir (ed.). Istanbul: EBES.
- Income Inequality and Poverty* (2014). Paris: OECD.
- Jomo K.S., Popov V.V.** (2016). *Long-Term Trends in Income Distribution*. *Journal of the New Economic Association* 8, 3 (in press, in Russian).
- Koot G.M.** (2013). *The Great Divergence: Explaining why Asian Economic Growth Lagged behind European Growth, 1500–1870*. Dartmouth: History Department, University of Massachusetts.
- Manza J., Sauder M.** (2009). *Inequality and Society*. Social Science Perspectives on Social Stratification. New York: Norton.
- Milanovic B.** (2016). *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Harvard University Press.
- Milanovic B.** (2014). *Global Income Inequality: in History and Now*. Higher School of Economics.
- Obama’s State of the Union speech* (2014). Available at: <http://money.cnn.com/2014/01/28/news/economy/obama-income-inequality/> (accessed: June 2016).
- Piketty T.** (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press.
- Piketty T.** (2015). *The Economics of Inequality*. Cambridge: Belknap Press.
- Pomeranz K.** (2000). *The Great Divergence*. Princeton: Princeton University Press.
- Roino J., Waldenstrom D.** (2010). *On the Role of Capital Gains in Top Incomes*. SITE – IFN, Sweden.
- Salmina A.** (2014). *Excessive inequality and human development* In: “*Human development in Russian Federation report*”. Moscow: Analytical center for the Government of Russian Federation (in Russian).
- Stiglitz J.** (2012). *The Price of Inequality*. New York: W.W. Norton & Company.
- The Women Who Changed Britain Forever* (2013). Available at: <http://www.bigissue.com/features/2522/women-who-changed-britain-forever> (accessed: June 2016).

Received 7 June 2016

L.M. Grigoryev

Analytical Center for the Government of the Russian Federation, National Research
University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Social Inequality in the World – the Interpretation of Not-Evident Tendencies

Abstract. The inequality in the economy was different in different periods of economic development, within different political regimes, and depends on differences in the structure of society. The term is nowadays widely used – especially in political rhetoric – and almost always implies inequality of income distribution. Excessive income inequality distribution limits opportunities for economic growth of the country, for example, due to the increase in social inequality. Fluctuations in income from profits, shares, rents during crisis may temporarily reduce inequality, but the periods of prosperity naturally increase income inequality. Social inequality has a serious impact on economic growth and social stability in the country, but with a significant increase in income and consumption levels of the poor population in the XX–XXI centuries inequality in itself might not cause social unrest. Russia in the period of transformation has moved from a quasi-egalitarian society (in accordance with the parameters of inequality) to society, similar to the Latin American countries.

Keywords: *wealth inequality, income inequality.*

JEL Classification: D63.

Л.Н. Овчарова

НИУ ВШЭ, Москва

Д.О. Попова

НИУ ВШЭ, Москва

А.М. Рудберг

НИУ ВШЭ, Москва

Журнал НЭА,
№3 (31), 2016,
с. 170–186

Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России

Аннотация. За последние 25 лет Россия из группы с низким неравенством переместилась в число стран с высоким уровнем дифференциации денежных доходов населения. Макроэкономический анализ показывает, что в основе этого процесса лежат различия в уровне оплаты труда, слабый выравнивающий эффект социальных трансфертов и появление таких новых источников доходов, как доходы от собственности и предпринимательский доход. До настоящего времени мы мало что знаем о факторах, определяющих дифференциацию денежных доходов на уровне домашних хозяйств. Декомпозиция неравенства в эквивалентных денежных расходах на межгрупповое и внутригрупповое на основе кроссекционных данных РМЭЗ–ВШЭ 1994–2014 гг. показывает, что на протяжении всего анализируемого периода одним из самых значимых факторов межгруппового неравенства в потреблении является регион проживания. В годы быстрого экономического роста увеличилась значимость межгруппового неравенства по образовательному уровню и интенсивности занятости, но в период экономической стагнации межгрупповая дифференциация по образовательному потенциалу домохозяйств стала снижаться. Несмотря на масштабную программу мер демографической политики, направленных на стимулирование рождаемости, наличие детей в семье в последние годы стало самым значимым фактором межгруппового неравенства. Регрессионный анализ детерминант неравенства, позволяющий оценить вклад признака в объясненную модель дисперсию душевых расходов, позволил прийти к выводу, что в большей степени неравенство обусловлено меритократическими факторами. Вклад в общее неравенство фактора детской нагрузки не меняется последние десять лет, при этом выравнивающая роль присутствия в домохозяйстве пожилых постоянно усиливается.

Ключевые слова: *неравенство в распределении доходов и заработной платы, богатство и бедность, человеческий капитал.*

JEL Classification: D6, I3, J3, N00, P36.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.